ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Сонеты в защиту княгини Дашковой

Новелла МАТВЕЕВА

КОГДА ИСТОЧНИК ЗАМУТНЁН

О нет, вы мне совсем не брат;
Вы – дядя мой и на Парнасе.
А.С. Пушкин

Растила Пушкина – почти святая няня.
С другой же стороны – дурной
"парнасский" дядя.

И, –
на последствия
поэт
порой не глядя,
Острил,
как дядюшка,
немножко
хулиганя!

Небрежно опершись
на сплетнический
логос, –
За грязью наших дней!
Когда, запутав планы,
О кратких роздыхах Паллады и Дианы
Историк-пакостник судачит козлоного!

КТО НЕ ПСИХОЛОГ – ТОТ И НЕ ИСТОРИК

Двух барышень громя, их тени беспокоя, –
Страж *терпкий светскости*, –
не видит терпкий свет,
Что в *переписке* их – *намёка* даже нет
На извращенческое что-нибудь такое!

Сверхдурость – лить на тех
двусмысленную грязь,
Кто государственную смуту заварили.
Всего лишь! Да притом, –
сдружась и раздружась, –
С начала до конца на "вы" проговорили!

Ценила речь она *простую*,
В *простые* платья одевалась.

Беру словарь старинный в руки,
Чтоб доискаться в нём до толка;
Что ж. "Куртуазность" – по науке –

Всего лишь... "вежливость"! *И только?*
Биограф! Ты не куртуазен;
Невежлив. Зол. Нахален. Грязен.

К ДАШКОВОЙ НЕ ПРИДИРАТЬСЯ – НЕ МОГУТ!

Про *куртуазность* разговор
"Историка" – зело натужен;
Большим героям вряд ли нужен
Изящных тонкостей набор!

А веер – хоть не лещ варёный,
Но и не вещая печать;
Вот и для Дашковой сыскал пустое слово.
Но в данном логосе
расслышать я готова...
Василъя Львовича напутствующий голос!

Пример наставников перенимают дети.
И, как заноза, он порой сидит в Поэте!
А после – кто-нибудь листы перелопатит,

Нашарит несколько обмолвок
низкопробных, –
И дружно юноши архивны их подхватят –
Для собственной "души"
и для потомков злобных.

К "ЗАПИСКАМ" КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Её "Записки" – не святыня,
Не для паломничества Мекка;
В них безотрадная гордыня
Затравленного человека.

В них есть мечтание покоя
И умолчаний гордых пара.
(Так заслоняются рукою
И от вчерашнего удара…)

В них есть политика неволи
И дипломатия печали.
Но правды в них – *гораздо боле!*

Хоть и *не той*, какую ждали.
Какую ждал конвент потешный
И передёргиватель грешный.

А НЕДОСТАТКИ ЕСТЬ У ВСЕХ

Я презираю в людях сальность
И пошлость. Но скорей всего
Я им простила б театральность
И небольшое хвастовство.

И (пусть я тоже мало стою)
На мой провинциальный взгляд –
Не тот ли хвастает порою,
Кого другие не щадят?

А ты, в решениях поспешен,
О том не знал? Или забыл?
Ты, кстати, тоже не безгрешен;

Достаточно, что ты – *зоил*!*
И потому к твоим сужденьям
Я подхожу с предубежденьем.

* *Мужской род биографа Дашковой (Зоила) – условность; чаще всего это дама.*

В ЧАСЫ МЯТЕЖА

Валяясь на одной полупоходной койке
(Раз не было другой)
две дамы толковали
Не об эротике, не о двойной морали,
Но о политике и Царства перестройке.

То греясь кое-как (одна из них –
в простуде),
То – выставив посты за дверью,
для защиты, –
Спешили отдохнуть. Одетыми. Как люди
Служилые, – когда пути назад – закрыты.

Суди же ты о них, дурак, *по обстановке!*
По смыслу их речей! По той экипировке!
Но... не угонятся де Сад и Казанова
Дивлюсь, мошенники, на вашу простоту.
Шпик! Не бывать тебе
находчивым Видоком*;
Ты, собственно,
не тем подглядываешь оком!

Или – в *не тех* дверях
освоил щель не ту?
Замочной скважины используя услуги,
Хотя бы *правильно подглядывайте*,
други.

*Видок – *имя сыщика, под пером Пушкина ставшее нарицательным.*

ТАК НЕ ДАДИМСЯ ЖЕ В ОБМАН!

"...а то, чего доброго...
примут за моего обожателя".
Екатерина Вторая
(По книге А.Воронцова-Дашкова "Екатерина Дашкова")
"...и явиться в качестве
моего любовника".
якобы Екатерина Вторая!
(По книге О.Елисеевой "Екатерина Дашкова")

Когда какой-нибудь навет
Из мелких крапинок составлен, –
Из лабиринтов пёстрых – нет
Нам выхода. Наш дух подавлен.

Но если так запутан путь,
А перспективы непроглядны, –
Давайте нитью Ариадны
Обзаведёмся как-нибудь!

Одну лишь выдумку всего
Изобличив у Герострата,
Учтём: – вот *так же* – у него

И остальное переврато!
Как та царицына цитата
С подменой слова одного.

СТРУКТУРА НАВЕТА

Солгав на первом вираже,
В дальнейшем – держится рассказчик
За эту ложь, как за образчик... –
Документальненький уже! –

В надежде, что читатель, – жадный
К сенсациям, – уже забыл
Тот первый авторский посыл,
Где ложь была такой *наглядной*,

Что вам её разоблачить
Труда не стоило большого!
Но лжёт и лжёт рассказчик снова, –

Уже известный, может быть,
"Открытиями" знаменитый,
Крутой! И с мордой непобитой.

КУРТУАЗНОСТЬ?

Не ищите в супе
Фортепьянных струн.
Виктор Матвеев

Спеша смешать княгиню с грязью,
Пороков ей вменяя разность,
Вдобавок, для разнообразья,
К ней прицепили... куртуазность!

Но Дашкова не предавалась
Замашкам баловней впустую;
Он, даже с *пафосом* дарёный,
Мог ничего не означать.

Не всякая бирюлька – тотем.
Не всякий реверанс – фетиш.
Занявшись крапинок подсчётом,

Одну усталость ощутишь...
При том, что кружево придирок
Обычно состоит из дырок.

...Но и княгини яснолицей
Покритикуем сложный нрав;
Её восторг перед царицей –
Преувеличен и лукав!

Так не роптать же ей? Затронь
Фелицу, – ...даже там, на Темзе,
Тебя спросили бы: "Зачем же
Ты возвела её на трон?".

Чем ты спасалась бы, – изверясь
В том *бунте*? В том, что был велик –
Единственный счастливый миг

Всех дней твоих? Что он не ересь?
Крепитесь, бедные сердца, –
Не разбивайтесь до конца.

Из тех, кто говорит о ней так смело,
Никто не видел Дашкову "нос к носу".
Так что ж любому на неё доносу
Всяк верит безраздельно и всецело?

А что – когда пошляк солёно-маслян
О ней *нарочно* сляпал сплетни злые?
А что – когда клеветники России
Ей целый плащ соткали из напраслин?

Кто может знать, –
как было в самом деле?
Кто – первые *"биографы"*! Не те ли,
Что *измывались* при Дворе над нею,

Дав полный ход охотничьей забаве?
И чью мы повторяем ахинею
О русской женщине и русской славе?

ВИВАТ АКАДЕМИА!

К слову об уничтожении
Российской Академии Наук

Брось вырубать! –
уж ни дубов, ни лип нет...
Не рвись, –
поправ последних смыслов граммы,
Испачкать то, к чему и грязь не липнет,
И наступить на шлейф
Прекрасной Дамы!

Почто *унять* княгиню унтер тщится,
Как дебоширку?
В памяти народной
Она отнюдь не только бунтовщица,
А больше – *Академик* благородный.

Поди-ка с *этим* что-нибудь поделай!
А впрочем... есть идея; честь по чести –
Унять главу двух русских Академий,

Но только... *с Академиями вместе!*
Вот вам и всё.
Встречайте новый хаос!
Кон тутта форца!
Грянем "Гаудеамус"!

Конечен круг и – нескончаем...

Виктор ПЕТРОВ

БАБЬЯ ТРАВА

Однажды задумаю ветер... И он
Обнимет колен полнолунья
на склоне,
И бабьей травою сладим полусон,
И вынесут кони!.. Цыганские кони.

На Млечной дороге
не знать колеи.
Да мне ли страшиться
крутого обрыва?!
Запрячется ворон,
доселе криклив, –
То выстрелил кнут,
и рассыпалась грива...

Тебя укрываю, прижалась ко мне,
И часто колотится
сердце двойное:
Недаром я выбрал
хороших коней,
Хотя и позариться мог на иное!..

Да нет же – иного,
другой не искал!
И скачем с тобой,
отрываясь от горя,
И мёрзлыми скулами
северных скал
Аукнутся камни у южного моря.

Окажемся там,
где никто никому
Не должен
и счастлив поэтому только,
И ветер цыганского плата кайму
Истреплет по ходу,
и рвётся, где тонко...

Достанется огненный
пёстрый лоскут,
Быть может, и мне,
а тебе так уж точно.
Отпущенный конь
без поводьев и пут
Подругу отыщет
у речки проточной.

А мы же, такие счастливые мы,
Вернёмся туда,
где степные законы
Цветут, дотлевают
в объятиях тьмы,
И каждый курень
не живёт без иконы.

Назавтра другие
пойдут к алтарю,
Чему обзавидуясь,
ветер на срыве
Метнётся туда, где лелеять зарю
И мчать стригунком,
что мечтает о гриве.

СОРОК ПЕРВЫЙ

Вскинула винтовку наспех:
Я – Стриженов, я – в прицеле!..
Мне бы отползти за насыпь,
Только силы на пределе.

Поднимаю кверху руки
И не поднимаю очи.
На прикладе нет зарубки,
Как хотела и как хочешь.

Не стреляй! Руки дрожанье.
Взор слеза слепая застит.
Али не была дражайшей,
Али не в твоей я власти?

У тебя ни к чёрту нервы,
Ах, Извицкая Изольда!
Только я не сорок первый,
Не играй чужую роль ты!

Лучше бы, штыки втыкая,
Нам с тобой гулять по свету:
Хороша любовь такая,
А другой любови нету!

Но ругаешься: "Холера!..".
Клацаешь затвором верным.
Умоляю: "Слышишь, Лера?..
Не хочу быть сорок первым".

ВЫХОД НА СУШУ

Никого не слушай –
Душу не губи:
Выходи на сушу
Из морских глубин.

Плавники исчезли –
Руку дай подам.
Ухажёрам чезлым
До таких ли дам?

Вырастают крылья –
Улетай, лети,
Чтобы даль открыли
Горние пути.

Ведом ли, не ведом,
Ведаю вину:
За тобою следом
Берегом рвану

И взлечу, бескрылый –
Падать всё равно.
Не меня ль у Крыма
Караулит дно?

А тогда летунья
Сделай скорбный круг,
И, сокрытый втуне,
Взмою смерчем вдруг.

Взор слеза туманит –
Не сыскать потом...
И пойдёт к Тамани
Страшный смерч винтом.

* * *

"Гори ты синим пламенем за это" –
Сказала мне…
И я горю, да так,
Что корчишься прилюдно
в круге света.
И пятишься во мрак –
сама как мрак.

Моя волчица серая, двуликая,
Своё отпела –
вой, несчастный зверь!
И, загнанная огненными бликами,
Куда теперь? А некуда теперь.

РОТОНДА

Державные колонны для вождя –
по кругу –
Удерживают небо над Цимлой...
Ротонда!
А ночь бросает нас
в объятия друг другу,
И длится, длится
нескончаемое рондо,

Затеянное вдруг тобой,
когда за стенкой
Разгульная попутчица
уснула спьяну...
Не ты ль меня касалась
под столом коленкой –
Теперь же на колени
пред тобою стану,

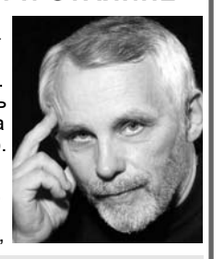
И прелесть ножек
обнажаю неуклонно,
И чувствую тебя
до выплаканной дрожи,
И нежным током бьёт
разомкнутое лоно –
И что дороже?..
Ничего не знать дороже

Сложения теней,
желаемого чуда!
И теснота одежд,
и темнота невнятиц,
И сон –
вся эта незатейливая груда
Спадёт...
И нас ведёт по кругу
рондо-танец.

Затянет круг, конечен круг
и – нескончаем...
...Берёт себе с утра коньяк
твоя подруга,
Но мы с тобой не пьём –
довольствуемся чаем,
Поскольку не выходим
за пределы круга.

Означен этот круг
колоннами ротонды,
И рондо мнится
приложением к прибою.
Сближенье наше –
некое подобье фронды:
А вождь и не был здесь,
но были мы с тобою!

ЛЮБОВЬ ПРИ СТАЛИНЕ



Комната не
обставлена –
Только нам
всё равно!..
Ты ненавидишь
Сталина
И меня заодно.
Между нами,
поэтами,
Ненависть –
как любовь,
И целуешь поэтому,
Вновь целуешь и вновь.

А с портрета прищуренно
Смотрит и видит вождь,
Как без него накурено,
Как нас колотит дрожь!..

Государственный деятель
Вздыбливал силой Русь:
Лучше бы что надела ты –
Из-за тебя стыжусь...

Ты нагишом, красавица,
И пресловутый стан
Если током касается,
То ухожу в туман.

Как ты целуешь, милая!
Засмущалось окно…
Что нам судьба постылая,
Нам ли во тьме темно?

Ласковое свечение,
Тайная ты свеча –
Утренний свет и вечерний
Царственного луча.

Хочешь,
прикрою Сталина?
Мы сплетены в одно:
Ножка твоя отставлена,
Чтобы измерил дно...

Ты родилась такою ли,
Стала такой сама?
Видишь:
крестом – не кольями –
Окна святит зима…

Мы до утра затеряны
Посредине миров:
Терпим,
вытерпим тернии –
Был бы случайный кров!

Пусть на полу постелено –
Ну, так сюда иди...
Что мне телеистерии
Возле твоей груди?

Ты ненавидишь Сталина –
Только любишь сильней!
Книга судеб составлена,
Мы засыпаем с ней.

Доля моя ты сладкая,
Горше не знать такой:
Лобик подёрнут складками –
Дай разглажу рукой.

Ошарашенный культами,
Культ признаю лишь твой!
И объятием кутаю,
Собственник долевой.

И – ничего не сделал снова...

Геннадий МАЛЕЕВ

Стансы

1.
Сей дядя самых скверных правил,
Когда не в шутку занемог,
Страною нашей дурно правил,
Но лучше выдумать не мог.
А если выдумать случалось,
То ещё хуже получалось, –
Ну вспомнить эту, например,
Чреду премьеровых премьер,
Когда один сменить другого
Спешил, взяв руль на полчаса:
Пришёл, увидел, почесал
И – ничего не сделал снова,
Чтоб секвестировался в срок
Тот дядя, раз уж занемог.

2.
Хотя по "ящику" – Лучано
И много вкусного всего,
Гонимы вешними лучами,
Мы отправляемся в село.

Увы, понурых, как скотина,
Нас ждет унылая картина:
Леса грибами обнищали,
Не плещет озеро лещами…
Как раненый комбат, батяня
Заладит, поглядев в трюмо,
Что худосочное дерьмо
На удобренье не потянет.
"Так что не токмо ананас –
И хрен не вырастет у вас".

3.
Чубайс! Он знает, почему
(Про мужика, что жнёт и мелет)
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
И отдавая дань пройдохе,
Я восклицаю на издохе:
"Но почему продукт не нужен,
Когда последний хрен
на ужин?!"…

Чубайс! Не ваш ли он приятель?
Родился на брегах Невы,
Но не утоп в Неве, увы,
На нашу голову, читатель…
"Чуба-айс!" – бежит моя собака!
Да не Герасим я однако.

4.
Теперь мы зажили иначе –
Свободные – воспряли аж!
Мужик тамбовский паче клячи
Маячит, зыбкий как мираж.
Его хозяйство обкорнали,
Ему почистили карманы,
И стал он, чистенький, – никем,
И стали чистильщики – всем…
Учительница из Ельца –
Фанерой ставшая Венера:
Лимоном бы – в миллионера!
Да нет и тухлого яйца.
Какие яица без птиц!
Какие птицы без яиц!

5.
Гайдар – он словно бы из воска,
И жирно плавился, таков –
Отнюдь не дедушка, до мозга
Костей рубавший беляков.

Так жил, жуя, добряк дебелый,
Себя считая костью белой
И костью серой – остальных
(Таких гвоздатых и стальных).

И смачней не было вестей
С фронтов его приватизаций
Где досточтимые мерзавцы
Русь обглодали до костей…
Кому-то же пришло на ум:
В России вновь балетный бум!

6.
Да, было время, жили плохо
(Не хуже, впрочем, чем теперь) –
Пугали палочкою Коха
Чрезмерно худеньких тетерь…

Потом был Кох – ещё страшнее,
Что трупы сваливал в траншеи, –
Распартизанили под мох!..
Но всех страшнее – этот Кох:
Освоив рыночный прононс,
К России
с ласковостью прусской –
Туберкулез души нерусской
На телевиденье пронёс…

Живёт и, кажется, не трусит, –
Все партизаны – в Беларуси.

7.
А эта тать звалась Татьяной
И на незыблемых правах
Она жила, от счастья пьяной,
Когда вползал он на бровях.

(Однажды, закусив редиской,
Вполз, говорят,
на пик киргизский.)
Пока же полз, сия Татьяна
Во власти Ромы и романа,
Власть прибирала, словно тать,
Кивая мальчикам знакомым,
И незаконное законным
Юристы стали полагать.

(Ведь полагать своим умишком –
Перечить
собственным сберкнижкам.)

8.
И – никакого покаянья.
И вот уж XXI век,
И *брежних* лет воспоминанья
Всё чаще брезжут в голове.
Тех дней,
когда своими числами
Мы честно получали чистыми.

И, не платя
рублём
за ночку,
Всегда
имели мы
заначку,

И знал
любой
советский
шкет,
И в"корочках" и в мокасинах:
Якутно было в магазинах,
Да в холодильниках – Ташкент, –
Такой вот милый парадокс,
Не бред, не сон, не передоз…

9.
Однако будем справедливы,
Не занавесившись рядном:
Приливы были и отливы
В моём Отечестве родном.

Порой хотелось зарубежья,
Да чтобы иномарка бежевая,
Да чтоб красотка иностранная
Твой балалай
на лад настраивала…

Вот и настроила.
И грусть
Возобладала в нас до гроба,
И безыдейно, как Европа,
Вся в миллиардах,
чахнет Русь…

(Страна тогда лишь развивается,
Когда знамёна развеваются!)

10.
Одним –
хватай, цепляйся, цапай!
Другим мерещится сума,
Когда приходит тихой сапой
Лжедемократия сама.

И хоть уже упёрлась в стенку,
Ужо почуяв задом Стеньку,
Но, как поручик, что Киже,
Не остановится уже.

С односторонностью диода:
"Вперёд!" – аж оторопь берёт, –
В дерьмо, в разруху,
но – "Вперёд!" –
Вопит эпоха Идиота…

О, стародавняя Отчизна,
Спаси от нано-сволочизма!

А Фауст рядом подождёт

Татьяна ПИСКАРЁВА

ВЕСНА

И маленькая складка
возле губ,
прокушенная ветка
терпкой хвои.
Неявный знак,
который берегут
поодиночке или сразу двое.
Он скрыт всегда
в весеннем светлом хламе:
в бутонах. Если слушать:
есть в дожде,
пока он щёлкает по лужам
в тишине
и подчинен своей,
особой гамме.
Его теряют или забывают
где только можно,
с радостью и без.
Его друг другу
горько предъявляют,
чтоб сделать им
на памяти надрез.
Пытаются составить список тел
и перечень
с ним связанных новелл,
не понимая тех, кто не успел,
кто был дурак,
что не оставил опись…
Везет лишь простофилям!
Им дано
внезапно потерять
и ум, и зренье,
чтоб быть с собой
и с сердцем –
заодно.

* * *

Калитка в сад опять открыта.
И там висит запретный плод.
Пройду туда, как Маргарита.
А Фауст рядом подождёт.

ОСЕНЬ

У осени –
морда печального зверя,
Который тайком
убегает в нору.
В охотничьи сказки и басни
не веря,
Он любит орехи, кору и траву.

Он любит
тончайшие перья тумана,
Зелёное с синим,
которого мало –
А много становится
жёлтого с красным,
И тянет холодным
предзимьем опасным.

НАЧАЛО ДОЖДЯ

Начало дождя –
Это первая капля,
В которой вся сила,
И тяжесть, и блеск.
Под гнётом тумана
Со стуком упала
В пустое ведро
Из далёких небес.
А может,
она вызревала в кустах,
В колючках малины –
Как смех на устах?
Лежала в гнезде,
Как кукушки яйцо,
Пока не упала
Тебе на лицо.

* * *

Последняя корзина лета
Полна фантазий и чудес.
В неё вплели обрывки света
И петли грозовых завес.

В неё лёг сок под кожурой
Скользящей,
Тонкой
И живой.

* * *

Размеренный шаг
И слов перепутья,
Высокой травы
Всклокоченный сок.
В речных зеркалах,
В таинственной жути
Кривой лягушонок
Звезду уволок.

И стало понятно,
Что в небе бездонном,
Которое в пыль
Уничтожит меня,
Трёх звёзд не хватает,
Что долго и сонно
Качались в пространстве,
Чуть слышно звеня.

Одна – в лягушонкиных
Тоненьких лапах,
Другая –
в венце золочёном моём,
А третья – в капкане
На дне океана,
Иль в соре и пыли
В кармане твоём.

СЧАСТЬЕ

Форточки захлопали,
прохожие затопали,
воробьи галдят.

На кустах сирени
брызги светотени
гроздьями висят.

Окунаясь в душные,
светлые, воздушные
листья и цветы,
Подчинюсь я сласти,
горечи и страсти
буйной красоты.

Неужели счастье –
в их плену и власти –
вправду там живёт?

На кустах сирени,
в брызгах светотени
расцвело и… ждёт.

БУМАЖНЫЙ КРУГ ЛУНЫ

В бумажный круг Луны
Подул холодный ветер.
Ей некуда уплыть –
Нет дома в небесах.
Сместился только ход
Движенья в эти сети,
Где скроется она.
Ты будешь горевать?..

* * *

Кольца замкнулся круг,
В нём – камень изумруд,
Моё рожденье
И моё забвенье.
Ударов, ран и бед
Слепое выраженье.
Начало и конец:
Кусает хвост судьба
И комкает страницы.
А я спешу, кручу
Простой калейдоскоп,
В котором пыль крутится.

ГОРА

Приглажена лесным туманом,
Стоит весенняя Гора.
В узлах корней
её подошва,
Вершина – дом из серебра.
Застыла плоть
камней белёсых
Среди запутанных теней.
И просверк ящериц
бесхвостых
Растянут в вечности над ней.

У КАМНЕЙ МЕРТВЕЮТ СПИНЫ…

У камней мертвеют спины,
Зябкий холод пробирает
В заводи у водопада.
Выше, выше мы идём.

Осыпается тропинка,
Над ущельем –
призрак птицы,
Полубога, полузверя,
Полунимфы, полусна.

Мы идём всё выше, выше,
К той вершине, что в покое
От гомеровских стихов –
Бесконечных и тягучих,
Словно мёд и жизнь оливы,
И полуденный прибой.

Мы идём всё выше, выше –
Впереди над нами солнце
Запеклось на ветках ивы
И запуталось в кустах.

Мы хотим пройти к вершине.
Потому что там – отгадка
Наших бедствий и страданий,
Там – решенье всех задач.

Мы идём всё выше, выше!

Мы пропали, заблудились.

Нет отгадки, нет страданья.
Просто в дрёме полусна
Процветет своё весна.

* * *

Положи-ка мне перину
Из зелёной трын-травы.
Две подушки в изголовье
Из запретной белены.

Разукрась-ка лепестками
Эту жёсткую кровать,
Чтобы день и ночь в июле
Я могла в ней сладко спать.

Будешь петь мне много песен
И на дудочке играть.
Буду слушать их я важно,
Головой тебе кивать.

Как невесте без кольца –
Поднеси бокал винца.
И в пустыню Лукоморья
Отошли назад гонца.

ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Осенняя печаль
Обрушила все листья.

Природа до весны
Устала замерзать.

Осколки льда в пруду.
Как долго и как быстро
Ложится на него
Морозная печать!